

Маслов Д.В.

д-р ист. наук, ФГБОУ ВО
«Московский государственный
областной университет», ст. научный
сотрудник, Государственный университет
управления, г. Москва

e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Некоторые вопросы адаптации постсоветской управленческой элиты к новым общественным отношениям (социокультурный аспект)

Аннотация

Рассмотрена проблема адаптации постсоветской управленческой элиты к общественным отношениям, сложившимся в результате реформ в СССР – России конца XX в. – начала XXI в. Особенностью исследования является рассмотрение поставленной проблемы в общем контексте общественных перемен указанного периода. Показано, что привычные теоретико-методологические схемы, основанные на противопоставлении позднесоветской и современной российской политической элиты, не способствуют приближению к истине. Так, опора лишь на официальные документы, статистику и другие источники, отражающие внешнюю сторону изучаемых процессов, представляется явно недостаточной. Поэтому обращено внимание на необходимость более активного привлечения источников личного происхождения, позволяющих проследить эволюцию сознания представителей правящей элиты, смену ее стереотипов, ценностей и норм. Освещены такие вопросы адаптации современной российской элиты к новым условиям, как изменение ее отношения к идеологии, к целям получения образования, к процедурам поступления на государственную службу, ее прохождения и ухода с нее. Отмечается, что в целом постсоветская управленческая элита успешно и весьма быстро адаптировалась к радикальным общественным изменениям. Проанализирован ряд факторов, обеспечивших эту адаптивность. Отмечено, что особую роль в процессах адаптации элиты сыграли факторы социокультурного порядка: умение играть по меняющимся правилам, нравственно-идеологический релятивизм, следование сложившимся традициям, формируемым нормам и ценностям. Вместе с тем надо учитывать, что адаптационные процессы отнюдь не завершены ни в элите, ни в обществе в целом. Таким образом, процесс адаптации политической элиты России рассмотрен на общем фоне постсоветской трансформации, что позволяет глубже понять механизмы и результаты развития российского общества в целом.

Ключевые слова:

элита, адаптация, социокультурный, трансформация, мораль, идеология, традиция.

Maslov D.V.

Doctor of Historical Sciences,
Moscow State Regional University, Senior
researcher, State University of Management
Moscow

e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Some issues of adaptation of the post-soviet managerial elite to new social relations (socio-cultural aspect)

Abstract

The problem of adaptation of the post-Soviet administrative elite to the social relations formed as a result of reforms in the USSR – Russia at the end of XX century – in the beginning of XXI century. The peculiarity of the study is the consideration of the problem in the General context of social changes of this period. The author shows that the usual theoretical and methodological schemes based on the opposition of the late Soviet and modern Russian political elite do not contribute to the approach to the truth. Thus, reliance only on official documents, statistics and other sources reflecting the external side of the processes under study appears to be insufficient. Therefore, the attention is drawn to the need for more active involvement of sources of personal origin, allowing to trace the evolution of consciousness of the ruling elite, the change of its stereotypes, values and norms. The such issues of adaptation of the modern Russian elite to new conditions as changing its attitude to ideology, to the goals of education, to the procedures of admission to the civil service, its passage and withdrawal from it, are highlighted. It is noted that in General, the post-Soviet administrative elite successfully and very quickly adapted to radical social changes. The number of factors that have ensured this adaptability is analyzed. It is noted that a special role in the processes of adaptation of the elite was played by factors of socio-cultural order: the ability to play by changing rules, moral and ideological relativism, following the established traditions, formed norms and values. However, it is necessary to take into account that the adaptation process is not completed, neither in elite nor in society in General. Thus, the process of adaptation of the Russian political elite is considered against the General background of post-Soviet transformation, which allows a deeper understanding of the mechanisms and results of the development of Russian society as a whole.

Keywords:

elite, adaptation, sociocultural, transformation, morality, ideology, tradition.

© The Author(s), 2018 This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

В конце XX века Россия прошла через радикальную трансформацию общественной системы. Столь быстрые и серьезные процессы потребовали длительных адаптационных усилий как общества в целом, так и его отдельных слоев. В полной мере это относится и к представителям правящей элиты, тем более, что в научной литературе процесс трансформации общества нередко называют «номенклатурной революцией». Если исходить из данного тезиса, то необходимо поставить вопрос: как советская элита сумела адаптироваться к ценностям рынка и национал-сепаратизма в условиях, когда она сама всю свою предшествующую историю с этими явлениями, по крайней мере, на словах боролась. Привычные ссылки на непрофессионализм советской номенклатуры ставятся под сомнение хотя бы тем, что в процессе ее исторического развития в XX веке ее общий и профессиональный уровень в целом повышался [5]. Также надо учитывать, что в силу как объективных причин, так и субъективных факторов принимаемые высшей властью решения иногда расходились с мнением готовивших решение госслужащих [7]. Поэтому по качеству управленческих действий в советские годы еще нельзя полностью судить о качестве госслужбы в целом.

Как же тогда объяснить главное — почему развал советской системы государственного управления произошел в ситуации, когда интеллектуальный и профессиональный уровень управленческой элиты по сравнению с предшественниками ощутимо поднялся? Без анализа соответствующих социокультурных изменений этот вопрос не разрешить. Под «социокультурным аспектом» в данной статье понимается необходимость исследования совокупности социальных ценностей и норм, ментальности, определяющих культурный облик управленческой элиты в ее развитии.

Решение данного вопроса имеет значение и для понимания процессов в современной российской элите и, самое важное, позволяет прогнозировать ее поведение в условиях возможных социальных перемен.

В обширной элитологической литературе обстоятельно исследованы проблемы, связанные с функционированием и рекрутированием позднесоветской элиты, а также целый ряд количественных параметров, ее характеризующих. Однако взятые вне социального контекста показатели, например, образованности элиты, могут дать неверные выводы. Понятно, что в этом случае порой смешиваются такие факты, как получение образования (особенно высшего) с реальной работой по профессии. Известно, что именно представители элиты нередко

используют административный ресурс для «ускоренного» получения высшего образования, а это, в свою очередь, становится для них дополнительным карьерным ресурсом. Подобная практика характерна и для позднесоветской, и для современной элиты. Поэтому формальные показатели образованности еще не дают нам реального «портрета» управленческой элиты. Создать его можно скорее по источникам личного происхождения — интервью, воспоминаниям, дневникам.

Эти источники свидетельствуют, что в переходные эпохи «идеалисты» уступают позиции «прагматикам». Достаточно вспомнить, что одним из императивов, которым мог руководствоваться Н. С. Хрущев, приступая к критике культа личности И. В. Сталина, в литературе порой называют нравственный выбор первого секретаря ЦК КПСС. А то, что порой считают отходом Хрущева от десталинизации, явилось, по сути, возвратом советской элиты, во многом не готовой к резким идеологическим поворотам, к прагматичному восприятию действительности. Представители горбачевского руководства среди мотивов, побудивших эту команду к переменам, также называют нравственный императив.

В отечественной управленческой элите в рамках современной истории можно условно выделить три поколения: позднесоветская доперестроечная, позднесоветская перестроечная и постсоветская элиты. Между ними нет непроницаемой грани: представители первых двух частично вошли в третью. К концу советского периода вырос образовательный и общекультурный уровень управленческой элиты в целом. Одновременно происходило снижение уровня идеологической составляющей в мировоззрении представителей элиты, т. е. коммунистическая убежденность становилась лишь «пропуском» наверх, «визитной карточкой», но не элементом обязательного содержания мировоззрения. Это прослеживается и на союзном, и на региональном, и на местном уровнях.

Вместе с тем было бы неверно упрощать картину идеологических предпочтений представителей позднесоветской элиты, описывая ее в категориях конформизма или даже скрытого диссидентства, что, например, прослеживается по дневникам горбачевского помощника А. Черняева [9]. Зарубежный исследователь А. Юрчак убедительно показывает, что сознание позднего советского общества нельзя сводить к противопоставлению крайностей: официальная / неофициальная культура, тоталитарный язык / свободный язык, политическое подавление / гражданское сопротивление, публичная ложь / скрытая правда [10].

Полагаем, что это наблюдение в полной мере относится и к представителям правящей элиты.

Отличия позднесоветской элиты, в принципе, готовой «сдать» советский строй, от своих последователей лежат не в уровне образования, а в плоскости различия в подходах к решению социальных проблем. Воспитанные на моральном кодексе строителя коммунизма, хотя и далеко не всегда верящие в него, позднесоветские управленцы все же ориентировались на категории нравственности (хотя бы внешне). Так, Л. И. Абалкин, советский экономист и заместитель премьера Н. И. Рыжкова, в качестве одной из особенностей последнего советского докризисного правительства отмечает наличие моральных императивов его деятельности, приведшей к неготовности свергнуть народ в «пучину рынка» [6, с. 51, 59].

В какой-то степени позднесоветская элита в сравнении с ее преемниками может быть — при всех элементах цинизма в ее мировоззрении — названа когортой идеалистов. Во многом это объясняется тем, что принято называть феноменом «детей XX съезда». Пришедшая им на смену гайдаровская команда может быть определена как ярко выраженные прагматики. Последнее сегодня оспаривается на основании того, что эта команда якобы руководствовалась исключительно рецептами Международного валютного фонда (далее — МВФ) и зарубежных советников. Не отрицая наличия таких рецептов отметим, что ни МВФ, ни иностранные консультанты не имели и не могли иметь опыта трансформации государственной экономики в рыночную. Конкретная гайдаровская программа конца 1991 г. — результат не столько копирования некоего опыта (его просто не было), а следствие вполне прагматичного реагирования на сложившуюся на тот момент социально-экономическую ситуацию. Именно первая постсоветская элита оказалась в силу объективных причин наименее идеологизированной в сравнении с ее предшественниками и преемниками. Никакая известная идеология на рубеже 1991–1992 гг. спасти не могла. К примеру, в 1996 г. президентские выборы прошли под неафишируемым лозунгом «цель оправдывает средства» [8, с. 29].

Различие между поколениями отечественных элит можно проследить и по отношению к образованию как социальной ценности. Представители поздней советской элиты, как свидетельствуют, в частности, записи бесед с последними советскими министрами, придерживались идеи разносторонности образования для раскрытия способностей личности. Так, руководивший тогда образованием Г. А. Ягодин сомневался в возможности подготовки госслужащих в вузе, полагая, что

к такой деятельности человек должен быть сформирован прежде всего предшествующим опытом [6]. Постсоветская элита исходила из принципа функциональности образования, необходимости специализации на конкретных направлениях профессиональной деятельности.

Изменились и социокультурные основания формирования кадров госслужбы.

По подсчетам экспертов, в 1991 г. доля чиновников федеральной исполнительной власти, работавших еще с брежневских и горбачевских времен, составляла почти две трети [2]. Во многом дееспособность исполнительной власти в начале 1990-х гг. была обеспечена тем, что в ее структурах и особенно в аппарате оставалось много госслужащих советского времени. Проблема заключалась в том, что в 1990-е гг. была нарушена система «выращивания» управленческих кадров, предполагавшая постепенное продвижение по служебной лестнице и освоение непростого опыта управленческой деятельности. Частые смены правительств приводили к тому, что очередная команда приводила «своих» людей, нередко не имевших понятия о госслужбе. Но и эти люди надолго не задерживались, уступая место новым временщикам. Нельзя не вспомнить в связи с этим такую аппаратную присказку: молодые специалисты еще не умеют работать, а опытные уже умеют не работать.

Идея поднять роль министерств, сократив при этом значение аппарата правительства лишь усугубляла ситуацию. Нарушилась система документооборота, что привело к снижению качества подготовки документов, а это, в свою очередь, сказывалось на качестве всей деятельности правительства, так как многие вопросы на его заседаниях по причине непроработанности перекладывались на будущее. Больше всего таких документов выходило из-под «пера» министерств экономики и финансов. Подобные тенденции объяснимы тем социокультурным фактором, что начиная с горбачевского периода в обществе утвердилось однозначно негативное отношение к пресловутой «бюрократии», что не могло не оказывать воздействия на принимаемые в этой сфере организационные решения. Еще одним следствием подобных настроений стало и отсутствие некоторое время в постсоветской России системы подготовки руководителей для структур исполнительной власти.

Чтобы удержать людей на госслужбе, власть прибегала к разного рода ухищрениям. В частности, до начала административной реформы увеличивалось число аппаратных должностей за счет должностей заместителей председателя правительства,

заместителей министров, начальников департаментов и отделов. Так, в 2003 г. в системе федеральной исполнительной власти насчитывалось более 400 «замов» различных уровней, что примерно в 3 раза больше, чем в 1993 г. Лидировали по этому показателю Минэкономразвития – 16 заместителей министра, Минпромнауки – 15, МИД – 14, Минтранс – 13, МПС и Минфин – по 12.

Аналогично складывалась ситуация и в администрации президента Российской Федерации (далее – РФ). Численность ее сотрудников выросла с 600 в 1993 г. до 3 тысяч в 1996 г., в то время, как в штате ЦК КПСС, работавшем на тех же площадях, эта численность не превышала 2 тыс. сотрудников [2].

Эта ситуация проецировалась и на региональный уровень. В 2003 г. губернатор Нижегородской области имел 24 «зама», в Ростовской и Тверской их было по 15, в Архангельской – 14 и т. д. [2]. В то время как у Председателя Правительства РФ их не было больше 11.

Административная реформа 2004 г. привела к сокращению штатов Правительства РФ на 25 % и к росту зарплаты, но снизила эффективность работы, т.к. под сокращение попали наиболее квалифицированные сотрудники. Возвращаться на госслужбу хотели немногие, т.к. за это время успевали устроиться на более «хлебных» должностях, например, в бизнесе. Вместе с тем часть госслужащих предпочитала работу на государство более выгодным предложением. Особенно чиновники в возрасте в качестве одной из мотиваций продолжения госслужбы имели боязнь остаться в условиях рыночной экономики без средств к существованию. Однако подобная мотивация, нехарактерная для советского чиновничества, приводила к конформизму в отношениях с руководством и опять же к снижению качества работы чиновников, которым теперь, чтобы остаться на госслужбе, требовалось угождать начальству. И если в начале 1990-х гг. творческий подход к делу еще не был «криминальным», то уже в 1994 г. он становится исключением из правила, а лояльность чиновников – самим правилом.

Сказанное, естественно, не исключает возможности аппарата «творчески» исказить первоначальный замысел до неузнаваемости и даже полной противоположности. Так, закон об альтернативной гражданской службе после его «творческой» переработки стали называть законом о безальтернативной службе. Впрочем, надо учитывать, что тенденция к усилению лояльности становится в 2000-е гг. общей для элиты в целом, не только для госслужащих. Материалы лондонских судебных процессов с участием российских «олигархов» содержат

указания на факты давления на представителей крупного бизнеса по принципу: хотите заниматься бизнесом, не лезьте в политику [1].

Иначе, чем в позднесоветское время, оформлялась отставка госслужащих даже с самых высоких постов в исполнительной власти. Чиновники нередко узнавали об этом случайно, в т.ч. из СМИ, и просто выбрасывались на улицу без перевода на другую работу и сохранения каких-либо льгот. Если позднесоветская элита «вымывалась» во многом естественным порядком – по возрасту и (или) излишнему консерватизму взглядов, то в годы реформ появился и новый тип ухода, неизвестный в доперестроечный период – добровольная публичная отставка. Однако если при Горбачеве это сходило отставникам с рук, то Ельцин подобные демарши не одобрял и обычно отставку оформлял уже своим решением. В современности как самый громкий пример можно вспомнить отставку министра финансов Кудрина в 2011 г. Имели место и отставки, связанные с вбросом в информационную среду «сенсационных» материалов разоблачающего характера (истории с министром юстиции Ковалевым, генпрокурором Скуратовым и некоторых других).

Меняется, на наш взгляд, и позиция лидеров правящей элиты к старому принципу «своих не сдаем». В промежутке между громким периодом сталинских «чисток» и андроповским «наведением порядка» разгром так называемой «антипартийной группы» в 1957 г. был последним фактом вынесения сора из избы. При Брежневле люди тихо переводились с понижением либо получали персональную пенсию. Даже при Горбачеве периода гласности громкие отставки предпочитали оформлять как «выход на пенсию по состоянию здоровья». В 1990-2000-е гг. ситуация и в этом плане начала меняться. Если говорить только о 2000-х гг., то кроме упомянутой истории с Кудриным можно вспомнить отставку Ю. М. Лужкова с поста московского мэра. Был снят с должности с последующим привлечением к уголовной ответственности высокопоставленный правительственный чиновник А. В. Улюкаев. Эти и другие подобные факты свидетельствуют не только о намерении власти реагировать на общественный запрос по борьбе с коррупцией, но и об определенном социокультурном сдвиге. Практически каждый чиновник находится под угрозой того, что в информационное пространство может быть запущена негативная для него формулировка отстранения от должности.

Наконец, еще один важный для понимания социокультурных сдвигов в эволюции представителя правящей элиты в постсоветское время сюжет – пребывание уходящей команды «на пенсии».

Сложившаяся в советский период традиция исходила из того, что на такую команду списывались просчеты проводимой политики. При Сталине репрессировали «ленинскую гвардию», Хрущев критиковал «культ личности», брежневская команда списала трудности на «волонтаризм» самого Хрущева. При Горбачеве, по сложившейся традиции, во всем был обвинен брежневский «застой», а команда реформаторов Ельцина обвиняла Горбачева в нерешительности и непоследовательности в проведении реформ. Однако именно Горбачев оказался первым из экс-лидеров страны в XX веке, кому не запретили участвовать в общественно-политической и вообще публичной деятельности [3]. Б. Н. Ельцин, получив после отставки личные гарантии неприкосновенности, иногда намекал на свое несогласие с действиями преемника. Уйдя в 2008 г. с поста Президента России, В. В. Путин не только сохранил за собой высокий руководящий пост, но и в ряде случаев также позволил себе

высказать несовпадающую с президентской точку зрения [4]. Примечательно и то, что хотя в «нулевые» годы началась опять же по традиции критикой «лихих» девяностых, в официальном исполнении она никогда не переходила «на личности», на экс-президента Ельцина.

Все эти факты, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что в эволюции важных компонентов деятельности правящей элиты в России в постсоветский период происходят серьезные изменения. Эти изменения отражают не только объективные общественные процессы, но и трансформацию сознания представителей элиты, складывание основ новой ментальности, заложение практически неизвестных в отечественной истории механизмов функционирования правящей элиты. Данные процессы найдутся лишь в своей начальной стадии, и только время покажет, смогут ли они закрепиться в российской политической традиции.

Библиографический список

1. Вердикт: Березовский против олигархов / сост. Ю. Фельштинский. М.: Рид Групп, 2012. — 656 с.
2. Воронцов, В. А. В коридорах безвластия (Премьеры Ельцина). М.: Академический Проект, 2006. — 1 088 с.
3. Горбачев, М. С. После Кремля. М.: Издательство «Весь Мир», 2014. — 416 с.
4. Елькин, Д. Россия переворачивает страницу. Исторические зарисовки конца постсоветского периода. 2007–2014. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. — 575 с.
5. Коржихина, Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 — декабрь 1991 г. М.: РГГУ, 1994. — 418 с.
6. Ненашев, М. Ф. Последнее советское правительство: личности, свидетельства, диалоги. М.: АО «Кром», 1993. — 222 с.
7. Пихоя, Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М.: Изд-во РАГС, 1998. — 736 с.
8. Ходорковский, М. Б. Статьи, диалоги, интервью. М.: Эксмо, 2010. 191 с.
9. Черняев, А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010 — 1047 с.
10. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / предисл. А. Беляева; пер. с англ. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 664 с.

References

1. Verdict: Berezovskii protiv oligarhov [*Verdict: Berezovsky against oligarchs*] / sost. Iu. Felshtinskii. M.: Rid Grupp, 2012. — 656 p.
2. Voroncov V. A. V koridorax vlasti [*In the corridors of anarchy (Premieres Yeltsin)*]. M.: Akad. Proekt, 2006. — 1 088 p.
3. Gorbachev M. S. Posle Kremlya [*After the Kremlin*]. M.: «Ves Mir» Publ., 2014 — 416 p.
4. El'kin D. Rossia perevorachivaet stranitcy [*Russia turns the page. Historical sketches of the end of the post-Soviet period. 2007–2014*]. M.: Tcentropoligraf Publ, 2015 — 575 p.
5. Korzhixina T. P. Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdenia: noiabr 1917 — decabr 1991 [*Soviet state and its institutions: November 1917 — December 1991*]. M.: RGGU Publ., 1994. — 418 p.
6. Nenashev M. F. Poslednee sovetscoe pravitelstvo: lichnosti, svidetelstva, dialogi [*The last Soviet government: individuals, evidence, dialogues*]. M.: Krom Publ, 1993. — 222 p.
7. Pichoia R. G. Sovetskii Soiuz: istoria vlasti. 1945–1991 [*Soviet Union: history of power. 1945–1991*]. M.: RAGS Publ., 1998. — 736 p.
8. Chodorkovskii M. B. Stati, dialogi, interviy [*Articles, dialogues, interviews*]. M.: EKSMO Publ., 2010. 191 p.
9. Cherniaev A. S. Sovmestny ischod: dnevnik dvuch epoch. 1972–1991 [*Joint Exodus. Diary of two eras. 1972–1991*]. M.: ROSSPEN Publ., 2010. — 1 047 p.
10. Yurchak A. Eto bilo navsegda, poka ne konchilos. Poslednee sovetskoe pokolenie [*It was forever until it was over. The last Soviet generation*]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. — 664 p.